

Александр Грин

Бунт на корабле «Альцест»

Александр Степанович Грин

Бунт на корабле «Альцест»

Аннотация

«— Замечали ли вы что-нибудь раньше? Были ли таинственные разговоры? Дерзости, неповиновение? И вообще, черт возьми, как это могло случиться под самым у нас носом?»

— Увы, капитан, — ответил его помощник Фекан, — этот сброд, как вы знаете, был нанят в Багашойо всего две недели назад. Я никого не виню. Надо было воспользоваться хорошим ветром, белых не подвернулось; это я понимаю. Мы все торопились...»

Содержание

I	4
II	11

Александр Грин

Бунт на корабле «Альцест»

I

– Замечали ли вы что-нибудь раньше? Были ли таинственные разговоры? Дерзости, неповиновение? И вообще, черт возьми, как это могло случиться под самым у нас носом?

– Увы, капитан, – ответил его помощник Фекан, – этот сброд, как вы знаете, был нанят в Багашойо всего две недели назад. Я никого не виню. Надо было воспользоваться хорошим ветром, белых не подвернулось; это я понимаю. Мы все торопились.

– Клянусь экватором, – сказал капитан, – говорите короче: валяли они дурака или нет?

– Нет. Все шло хорошо.

– Было, как я уже рассказал, – перебил боцман, держа зубами конец бинта, которым он спешно обматывал раненную ножом руку. – Они взбесились, сошли с ума; у них какой-то непонятный нам замысел. Когда я стоял у трюма, Самбо сделал вид, что скатывает брезент, очутился у моих ног, дернул меня за щиколотку, и я грохнулся затылком о палубу, но защитился этой рукой. Вы знаете их ножи. От скуки они точат их каждый день. Не так больно, но лезвие скользнуло на-

сквозь. Мне не забыть выражение его лица, когда я оглушал его кулаком. В то время, спасаясь от четырех, стрелявших по нем, как в зайца, промчался Фекан, – вы были в каюте...

– Да, пасьянс вышел, – вставил капитан, – и вышел бы еще раз, как взлетели вы с посиневшими физиономиями. Когда были скрадены ружья?

– По-видимому, сегодня ночью, во время моей вахты. – Фекан тяжело дышал, след произведенных неграми в него выстрелов еще не скрылся из глаз, горевших тяжелым страхом. – Исчез и ящик с патронами. Счастье, что они плохо стреляют, иначе я не стоял бы теперь в этой каюте.

Все трое пристально смотрели друг на друга, с силой совершенного непонимания, вызванного внезапным наступлением отчаянной борьбы.

Капитан посмотрел на дверь, к которой был придвинут тяжелый стол, и стал слушать. Сверху доносился топот перебегающих негров; он стих; прозвучал крик, перемешался с ответными восклицаниями; затем в неясном шуме этом наметилось что-то согласное и решительное.

– Идут сюда, – сказал Стерс, – капитан. Идет один. Ну, сейчас все узнаем. Фекан, не ухмыляйтесь над моими пасьянсами, они помогают иметь нужные мысли; катите этот бочонок.

Боцман вопросительно оглянулся, затем, поняв, о чем говорит Стерс, схватил широкими своими ладонями дубовый бочонок, вместительностью пятнадцать галлонов, стоявший

у койки Стерса в виде ночного столика, и переставил его поблизости двери.

– Он пустой, – сказал боцман.

– Хорошо, хорошо; ставь против замочной скважины; вот так. К тому же бочонок этот не пуст, это – пороховой бочонок. – И Стерс подмигнул. – Но я не собираюсь взорвать судно, нет. Однако мы разведем такую негритянскую дипломатию, что о ней долго будут говорить на восточном и западном берегах.

Фекан и боцман не поняли Стерса, но скоро им предстояло понять все, и они вынесли это драматическое испытание с невозмутимостью наемных свидетелей.

На столе, приставленном к двери, лежали два револьвера. Услышав быстрое дыхание негра, спустившегося по трапу к двери и остановившегося, стали прислушиваться. Стерс взял револьвер и отодвинул стол так, что, баррикадируя дверь, позволял теперь видеть в замочную скважину часть каюты с бочонком посередине ее.

– О, о! – вскричал негр, услышав возню, – музунгу. Стерс! Стерс слышит. Он здесь. Это я, Самбо, посланный говорить.

– Говори, негодяй, – сказал Стерс. – Что вы хотите делать?

– Вы погибли, умрете. – Негр сделал паузу с расчетом ошеломить. – У вас нет воды и еды, а ружья у нас.

– Да вы украли их.

– Пусть будет – украли. Вас – четыре...

Здесь осажденные оглянулись, не понимая, о ком четвертом говорит Самбо, однако он скоро еще более изумил их.

– Все – четверо, – вкрадчиво и грозно продолжал негр, – и один из вас – женщина, значит, вас не четыре, а три... Нас десять и еще шесть. Вот сколько нас и восемь ружей.

– Подумаешь, – процедил Стерс.

– Ты будешь думать, музунгу. Я уже думал. Все решено нами.

Тут Фекан и боцман не выдержали.

– Что за окоlesiцу несет черномазый, – вскричал Фекан, – о какой женщине он болтает. Вы понимаете, Стерс?

– Кое-что, но смутно. Дадим ему высказаться. Продолжай, багашойская обезьяна, и моли бога, если я терпеливо выслушаю тебя.

Негр за дверь презрительно фыркнул.

– Самбо не боится, – сказал он угрюмо. – Самбо говорит, музунгу – слушай. Никто не тронет вас, если сядете в шлюпку и поедете к берегу. Мы дадим запасов. Но вы оставите нам белую красивую женщину, которую музунгу Стерс прячет в своей каюте.

– Ни слова, ни слова! – заорал Стерс Фекану, пытавшемуся разразиться ехидной бранью полнейшего недоумения. – Представьте все одному мне! Продолжай, Самбо!

Негр, помолчав, шумно и тяжело вздохнул. Мрачно заговорил он теперь, с злобным воодушевлением человека, делающего последнюю ставку.

– Музунгу Стерс, я видел ее на прошлой неделе, когда выносил мыть твою койку. Она стояла в углу. Ты там спрятал ее... и я не мог смотреть на все долго, потому что ты выгнал меня. Но Самбо видел, он хочет теперь белую женщину. Ее лицо прекрасно, оно розовое и белое, как цветок олеандра. Ее волосы цвета солнца, а глаза подобны чистому вечернему небу. Ее грудь белая, и жирная, и красивая. Самбо любит белую женщину. Он раз видел ее, но, увидев, рассказал остальным, и они, как и я, хотят владеть этой женщиной, красоту которой тебе не удалось спрятать от глаз Самбо. Отдай ее нам и уезжай с музунгу Феканом, боцман тоже может уехать с вами, хотя он больно дерется. Вот все Самбо сказал.

Еще никогда Стерсу не приходилось попадать в такой сложный тупик неожиданных и странных эмоций, подобных этому казусу. Фекан с удивлением видел, что Стерс покраснел. Что поразило негров? Какое могучее впечатление разрушило их покорность? Но некогда было размышлять; сдавив смех, который при иных обстоятельствах мог бы стать полуобморочным, сумасшедшим хохотом, Стерс пошел к цели прямо и резко.

– Самбо, – сурово сказал он, – ты дурак. Белые женщины не уходят к неграм и не живут в их вонючих корзинах. Это сказано навсегда. Смотри в скважину. Я покажу тебе кое-что интересное.

– В скважину застрелить Самбо? – насмешливо спросил негр. – Ох, Самбо хитер.

– Нагнись, я стрелять не буду; клянусь спасением души матери моей.

– Музунгу верить?

– Как себе.

– Хорошо. Самбо глядит.

Стерс приблизил глаз к скважине: вдруг ее светлый крючок погас, словно с наружной стороны скважину прикрыли черной бумагой. Затем она снова стала прозрачной, и наконец, блестящий глаз чернокожего появился в ее очерке, разглядывая каюту.

«Прикрыл для пробы рукой, – подумал капитан, усмехаясь».

– Вот, – вслух заговорил он, – видишь этот бочонок?

– Самбо видит.

– В этом бочонке порох. Если его взорвать, «Альцест» лопнет как банан под ногой верблюда. Я мало скажу. В моих руках часы: они показывают десять минут третьего. Если через пятнадцать минут все восемь ружей не будут брошены за борт с левой стороны против иллюминатора, чтобы я мог видеть и считать, сколько их упало в воду, если затем все вы до единого не сядете в шлюпку и не отчалите восвояси к берегу, который, кстати сказать, хорошо виден на горизонте, – я, Стерс, капитан, никогда не изменявший своему слову, ровно двадцать пять минут третьего всаживаю в порох пулю и пускаю нас всех ко дну. Кроме того, если, выслушав это, ты скажешь хоть одно слово, задашь один вопрос – произойдет

то же самое. Я сказал. Одна минута прошла.

О Стерсе было широко известно, что он не боится смерти и никогда не шутит. За дверью раздался такой стон, такой иступленный вопль схваченной за горло души, что все вздрогнули. Потом топот ног вверх дал знать, что Самбо кинулся предупредить своих, там поднялся сложный, как на пожаре, крик, полный безумного ужаса.

– Пасьянс вышел, – сказал Стерс, утирая мокрое лицо. Но бочонок был пуст.

II

Развязка произошла с повелительной быстротой спасения. Перед иллюминатором восемь раз плеснула вода, скрывающая дула и приклады прекрасных винчестеров, затем Стерс с облегчением услышал скрип талей, – негры спустили шлюпку. Они отъехали так поспешно, что не прошло десяти минут, как из иллюминатора можно было уже видеть, на расстоянии тридцати – сорока сажен, их искаженно оглядывающиеся физиономии.

– Готово. – Стерс отшвырнул стол, бросился к углу, где за шкафом, среди ящиков, находилось нечто, окутанное газетной бумагой, и, схватив таинственный предмет, устремился на палубу, говоря: – Идем, Фекан, идите и вы, боцман Троп, вам предстоит увидеть необычайное.

Судно, никем не управляемое, со спущенными парусами, медленно раскачивалось на ровной зыби. Все трое появились у борта.

– Эй, – закричал Стерс беглецам, – захватите-ка вашу Дульцинею!

С этими словами, сорвав газетные листы, скрывавшие очертания таинственного предмета, он высоко поднял его над головой, и все увидели парикмахерский восковой бюст, кокетливая головка которого блеснула в огненной синеве африканских вод безделушкой мертвой улыбки.

– Часть груза, – пояснил Стерс ошеломленному своему помощнику. – Мой знакомый цирюльник в Даготе просил захватить куклу на обратном пути. И он обратился к неграм: – Подберите это очарование!

Манекен, не теряя улыбки, с улыбкой перевернулся в воздухе и с улыбкой шлепнулся в воду. Плывая, он продолжал улыбаться.

– Разве этим удержишь их, – сказал Фекан. – Легенда о белом колдуне-капитане пойдет гулять, как коза. Слышите – они кричат... воют. Что это? Клянусь, капитан, они спасают ее!